

«Таких, как Шаляпин, не было — и нет!»

Вот как безоговорочно выразился один из крупнейших басов мира, которого иные музыкальные критики восторженно именуют «Шаляпинным наших дней», а иные — посдержанней, представителем «театра Шаляпина». С вопроса — есть ли такой «театр» и кто в него входит — и начался наш разговор с народным артистом СССР, лауреатом Государственных премий СССР и РСФСР Борисом Тимофеевичем ШТОКОЛОВЫМ.

— Под словами «театр Шаляпина» вы, видимо, имели в виду группу басов или кого-либо персонально?

— Да во всем мире нет сейчас человека, как Шаляпин.

— На родине Мусоргского, в селе Карево Псковской области, помимо портрета Шаляпина в роли Бориса Годунова, есть и ваш, Борис Тимофеевич, портрет...

— Низко кланяюсь за честь.

Чтобы не навязывать читателю собственного моего чисто слушательского, дилетантского мнения о Штоколове (отлично поет — не так ли принято говорить в общеходной речи?) — приведу здесь слова крупнейшего из теноров современности, Ивана Семёновича Козловского. «Штоколов обладает уникальным голосом удивительного тембра. Он привлекательно формирует звук, в совершенстве им владея, и, думается, надолго сохранит его свежесть и красоту».

обязан волноваться, иначе он — без нервов, робот, магнитофон с двух ног...

— Люблю слушать вас в «Иване Сусанине» — чистом, ясном, ярком, нестарящем произведении.

— Люблю Сусанина. Крестьянин. Жизнелюб. Семьянин. Патриот. Вот сколько в нем качеств, которыми бы хотелось наделять каждого нашего современника! Я стараюсь в первых сценах подчеркнуть нежность его истинно крестьянской души. Еще степенность его, чувство собственного достоинства. А что в моем герое главное? Главное раскрывается всем материалом оперы. Это — любовь к Родине. «Страха не страшусь, смерти не боюсь, лягу за святую Русь...» Сколько силы в музыке, в строках этих... Удастся ли мне все это передавать... Пусть скажут из зрительного зала, а я очень хочу, чтобы там, в рядах полутемных кресел, почувствовали величие строки: «О Русь моя, живи вовек!..»

— Есть ли в оперном репертуаре у вас еще любимое, кроме «Сусанина», как я сейчас понял?

— Есть. Это Мусоргский. Гениальность его непревзойденна.

— Вот ведь, Борис Тимофеевич, загадка: Сусанин Глинка прекрасен, Мусорг-

накален до предела. Я готов все свои силы приложить ради одного — войны бы не было.

— Вы вспоминаете тех, кто шагал рядом с вами в строю юнг?

— А как же! Мы, юнги военных лет, встречаемся постоянно.

— А с крейсером «Киров» связь держится?

— Был не столь давно у военморов подарили мне миниатюрную копию штурвала современного грозного крейсера «Киров». Горд тем, что мир хранят такие бронированные, отлично вооруженные морские богатыри, как «Киров».

— На что остается время после концерта, спектакля? Может, на спорт, на лыжи или, как у Шаляпина, на коньки?

— Да не верю я, что Федор Иванович всерьез катался на коньках. Раз три, быть может, Шаляпин вставал на коньки, его сразу и фотографировали. Поймите, вот этот «инструмент» (показывает на свое горло) — хлипкая от природы штука у любого человека. А у певца она — сама жизнь, хлеб насыщенный, если выражаться прозаически. Легенда, что певец «Н», захватив дыроверт и ящик с напильным ремешком, отправляется в выходной день на лед, на рыбалку. Рассказ ни это все. Одна зимняя рыбалка, один лыжный поход — и простуда, какая-нибудь болезнь горла может, не дай бог, вообще лишить голоса!

— У вас такая профессия, что о последствиях как-то неловко и спрашивать. Но... поют ли ваши сыновья?

ПОЮ СУСАНИНА

— Трудно быть хорошим певцом?

— Вообще хорошим — певцом, токарем, жнецом — быть трудно. «Трудно» — одного корня со словом самым важным: «труд». Я — выходец из семьи крестьянской. Нас, детей, в семье было пятеро. Отец — из села Киприно, это в Горной Шории. Восемнадцатилетним он отправился на гражданскую воевать за народную долю, как пелось в тогдашних песнях. С малых лет каждый в нашей, как и в любой крестьянской, семье делал какую-либо «взрослую» работу, считая это своей повседневной обязанностью. Сейчас дела семейные как-то иначе поворачиваются — не пестуем мы своих детишек в почтении перед Трудом, букву «Т» не забудете поставить прописной. А потом принимаемся считать проценты повышения производительности труда на заводе или в колхозе — вот тут-то и сказывается наш огрех в воспитании.

— Когда вы начали петь? Это, вероятно, в сто первый раз вас спрашивают репортеры?

— В сто второй. Петь начал на профессиональной оперной сцене Свердловского оперного театра в 1951 году. А до этого была, надеюсь, кое-кому известная встреча с Жуковым...

Действительно, «кое-кому» известна история ротного запевалы, выпускника школы военных юнг на Соловецких островах, затем — электрика торпедиста знаменитого крейсера «Киров»... В юнги Борис Штоколов пошел в 1944 году, окончательно изголодавшись в семье, оставшейся без кормильца — отец еще в 42-м сложил голову на фронте. Пареньку в ту пору было всего четырнадцать, потому Бориса на фронт, конечно же, не пустили, а в юнги — взяли. И позже, после службы на «Кирове», приоткрывая армейская судьба завела Штоколова в Уральский военный округ. Уже после войны там однажды состоялся концерт. На нем присутствовал наш легендарный военачальник, маршал Георгий Константинович Жуков.

После концерта солдата Штоколова призвали к маршалу.

— Вам надо, петь, молодой человек, — сказал Жуков.

Слово маршала оказалось твердым — Борис оказался в Серпухове, в военном училище, туда и пришел приказ: рядового Штоколова, проэкзаменовав, откомандировать «на певческую учебу».

Ныне Борис Тимофеевич вспоминает и о другом эпизоде тех послевоенных лет:

— Приехали трое принимать у меня вокальный экзамен, все — из ансамбля Александрова. Я пел арию Демона: «Я тот, которому внимала...». Надо ли говорить, как переволновался. Да и сейчас волнуясь: не верьте тем артистам, которые говорят, будто идут на выход, к многоголому, многоглазому залу запросто, будто на прогулку. Все это враки: артист

ский — и того краше, а по улице несут магнитофоны, как говорится, бог знает с кем... с таким маловразумительным похрюкиванием вместо песни, вместо вокала, вместо музыки...

— У вас, выходит, тоже как у меня — накопело? Скажу вам чистосердечно: я — ярый противник пошлости. Одна ныне известная певица, например, демонстрирует вовсе не вокальные свои данные, а чисто, поймите меня верно, природные свои физические качества. Эта «звезда» умудряется даже спиной к зрителям обобщиваться, подолгу застыть «в экстазе»...

Зачем же эстрадной «приме» показывать платье с блестками, вырез на платье — все, что угодно, кроме «самой малости» — певческих данных? А ей начинают подражать и самодельные, и доморощенные ВИА. Результат? Пошлятина процветает в самые отдаленные уголки. На колхозные, совхозные, сельские сцены, эстрады...

— Часто вам доводится бывать на селе?

— Постоянно. Вот только что вернулся, был на трассе газопровода. Помары — ужгород. Пел с удовольствием. Такие, знаете, жизнерадостные ребята, девушки — все бы им спел, что просили.

Бригада судосборщиков Адмиралтейского объединения оказала мне честь. За постоянную шефскую работу судостроители включили меня в число почетных членов бригады. Горжусь этим. Стараюсь оправдать доверие.

— Вы говорили об Иване Сусанине. А современник — ведь ему не заказана дорога на нынешнюю оперную сцену, и вы пели, например, Андрея Соколова...

— Пел. Люблю этого человека — настоящего нашего солдата. Сейчас мир

— Чего же тут неловкого? Поют. Младший, Тимофей, окончил институт культуры, где и стал пробовать голос. Сейчас ему 21, пошел служить действительную. Недавно я был у него в танковой части. Спал в солдатской палатке, ел из солдатского котла, вспоминая собственную молодость... Закалку ребята проходят отличную, отличные у них командиры воспитатели. Сразу подумалось о некоторых родителях, особенно «именитых»: сколько сил, сколько ухищрений, уверток, «левых ходов» предпринимают некоторые папы-мамы, чтобы дитяtko «оградить от армии». Гордиться и радоваться надо родителям, когда сын их идет в солдаты. Посмотрел я на Тимофея в солдатской гимнастерке. Пробует петь, есть у него басок. Но хороших голосов у нас на Руси было всегда — как дров в поленище! Послушаешь иную художественную самодельность в селе или в городе — удивишься богатствам, ай да голоса! А вот распорядиться этими, данными свыше, как с небес, голосовыми данными мало кто может.

— Что же для этого надо — отца-певца или, предположим, маршала, которому бы понравилось пение?..

— Э, какие намеки у вас «тонкие»? Пусть бы сотня маршалов рекомендовала меня, предположим, в певцы, а не будь еще кое-чего в придачу к природным вокальным данным...

— Например?

— Например, сегодня у меня выходной день, вы же иначе бы не смогли включить ваш диктофон. А с чего началась корреспондентская работа в моем доме?

— С того, что меня ваши домашние провели на кухню, просили подождать, пока вы не кончите утренней разминки... Пели вы.

— ...Каждый день — ни дня без песни. Значит, нужно для певца — упорство, адова работа без просвета, без роздыха. А самое главное, по моему, многим счастливо наделенным от рождения голосовыми данными не хватает мечты. Мечты такой, когда не видишь иной жизни, чем в песне. Вот есть у меня один знакомый певец «средней руки». Однажды разоткровенничался: «И какого беса я подался на сцену? Сейчас бы уже, плаывая, был заслуженным мореходом, шевроны на рукаве золотые, фуражка с «крабом»... Какая здесь мораль? Флот лишился одного, быть может, действительно прекрасного капитана, а искусство обладает простеньким голоском, вокалистом «середина наполовину»... Извините, я такой вот максималист: если петь — то от всей души. И коль отцовские гены «проклонутся» в моем младшем сыне, и будет он ко всему прочему упорно учиться, самозабвенно работать, тогда... Нет, не будем пока загадывать.

Виталий НЕСТЕРЕНКО.
Фото А. Медведникова.